

ДОМОВЫЕ ХРАМЫ В ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МОСКВЫ

О.Ю. Робинов

Традиция устройства домовых храмов прослеживается с первых веков христианства. Она возникла в условиях гонений на христиан со стороны римских императоров-язычников, когда общины не имели возможности открыто строить церковные здания. По мнению ученых, первые тайные домовые базилики или специально для литургии приспособленные комнаты христиане создавали в частных домах знатных римлян, принадлежавших к христианской вере¹.

В дальнейшем, когда христианство стало государственной религией, в Греции (Византии), как писал Е.Е. Голубинский, всякому желающему было предоставлено право иметь для себя свою домовую церковь...²

В Древней Руси существовала традиция устраивать храмы при княжеских усадьбах. Митрополит Макарий указывает, например, что «летопись под 1146 г. упоминает о двух домовых церквах: церкви святого Георгия, находившейся во дворце князя Игоря в каком-то селении, и церкви Вознесения Господня, бывшей во дворце князя Святослава в Путивле». Ипатьевская летопись под 1152 г. повествует: «...и якоже съеха Петръ съ княжа двора, и Володимиръ поиде к божници къ святому Спасу на вечернею; и якоже бы на переходехъ до божници, и ту види Петра едуща и поругася ему...». Видимо, летописец имел в виду сообщавшуюся с покоями князя церковь на княжеском дворе, которые также могут считаться домовыми. Приводя примеры домовых храмов, митрополит Макарий называет церкви Пресвятой Богородицы на княжем дворе в Переяславле (1098, кн. Владимира Мономаха); святого Николая на княжем дворе в Новгороде (1113, кн. Мстислава Владимировича); вмч. Димитрия Солунского на княжем дворе во Владимире (между 1191–1197 гг., кн. Всеволода III); свв. князей Бориса и Глеба на княжем дворе в Ростове (1214, кн. Константина Всеволодовича) и Успения Пресвятой Богородицы на княжем дворе в Ярославле (1215, того же князя); св. Михаила на княжем дворе в Чернигове (1174, Святослава Всеволодовича)³.

Кроме княжеских домовых храмов, в летописях упоминаются и другие частные домовые храмы. Например, в Киево-Печерском патерике в рассказе об Алимпии-иконописце говорится: «И инъ некто христолюбець от того же града Киева церковь собе поставии въсхоте сътворити церкви на украшение великих иконъ: 5 деисуса и две наместней»⁴.

В дальнейшем сохранилась традиция устройства домовых храмов при усадьбах богатых владельцев, а в городских условиях при частных владениях. Например, известна история открытия Казанской церкви при доме А.Б. Головиной в Москве. Она была построена в 1698 г., переходила вместе с домом в руки наследников, а при продаже дома – к новым владельцам. Несколько раз ее упраздняли и возобновляли вновь. Последняя владелица дома Е.Д. Орлова в 1867 году открыла в доме отделение больницы для чернорабочих, и с этого времени церковь была при больнице⁵.

В XVIII–XIX вв. домовые церкви устраивались в частных домах по просьбе владельцев и с разрешения Св. Синода по ходатайству митрополитов Московских. Наибольшее количество церквей было устроено при митрополите Московском Филарете (Дроздове). Просили обычно владельцы, страдавшие различными недугами. Как правило, разрешение на освящение церкви выдавалось на время жизни просителей, иногда передавалось наследникам, а затем упразднялось.

Для контроля за деятельностью домовых храмов в 1775 г. по указанию митрополита Московского Платона (Левшина) был составлен реестр домовых церквей города Москвы, по которому в Москве на то время было открыто 57 домовых храмов⁶. Особенно много домовых церквей статистика отмечает в Китайском, Сретенском, Никитском и Пречистенском Сороках.

Такое значительное для Москвы число домовых храмов являлось следствием особого уклада жизни москвичей, их набожностью и тем господствующим местом, которое занимала религия и церковь в жизни русского человека.

В Москве сложились устойчивые обычаи служить у себя дома накануне праздников всенощные бдения, а в самый праздник – молебен с акафистом и водосвятием. Так как большинство священников в московских церквях служили позднюю литургию, а раннюю позволено было служить только в некоторых московских церквях⁷ – многие служили ранние обедни у себя, для чего специально нанимали священников (так называемые ранние священники). Было также принято часто служить дома поминовения по умершим.

При Петре I количество домовых церквей уменьшилось, так как он считал, что домовые храмы «создаются от спеси». И действительно, некоторые состоятельные москвичи стремились устроить домовые храмы из тщеславия и нежелания быть в церкви вместе с простолюдинами⁸. Разрешение на открытие храма в частном доме давали в виде исключения для престарелых и больных, которые не могут ходить в приходскую церковь.

Для регламентации устройства домовых храмов были изданы ряд Указов Св. Синода. В Указе от 5 октября 1723 года говорилось об условиях разрешения на открытие: «...Знатным персонам, которые из них пожелают в домовых своих палатах иметь подвижные антиминсы для совершенной немощи, до церкви ходить не допускающей, таковым позволять по синодальному рассмотрению, токмо б при тех антиминсах собственного церковного притча отнюдь не было, но отправляли б служение тех приходов священники»⁹.

В Указе Св. Синода от 13 сентября 1734 года содержалось предписание – регламентация устройства престолов в этих церквях. Еще два Указа Св. Синода о домовых церквях были обращены к Московскому митрополиту. Во всех Указах было оговорено, что поводом к устройству домовых церквей мог служить не имущественный или классовый принцип, а только «болезнь или крайняя престарелость», не позволяющие ходить на службу в церковь своего прихода.

В 1841 году в Уставе Духовных Консисторий было записано общее постановление о домовых церквях: «На устроение церквей в домах испрашивается разрешение Святейшего Синода для лиц, приобретших право на особое уважение, и которые, имея усердие к храму Божию, не могут посещать церкви по

болезненному состоянию или преклонным летам. На устройство домовых церквей в столицах испрашивается Высочайшее соизволение.

Примечание: Существование домовых церквей допускается только до кончины лица, для которого учреждение оной дозволено, а после кончины его – всю принадлежность церкви, по распоряжению Епархиального начальства, обращать в собственность церкви приходской»¹⁰.

При этом требовалось освидетельствование здоровья просителя, а также разрешение правящего архиерея или московской конторы Св. Синода. Готовность места для освящения церкви и ее освящение по сложившемуся в Москве древнему обычаю совершал протопоп Большого Успенского Собора Московского Кремля с братией. С 22 августа 1765 г. по Указу Св. Синода эти функции были переданы в ведомство митрополита и освящение престола домового храма совершалось по его указанию. При Московском митрополите Тимофее выдавались храмозданные грамоты по особой форме¹¹.

Домовые храмы никогда не были предметом отдельного исследования, так как никогда не являлись самостоятельными архитектурными сооружениями и до начала XIX в. внешне не выделялись. В XIX веке домовый храм стал визуальным центром архитектурной композиции общественного здания. Возвышаясь над ним или выступая, он притягивает к себе взгляд, делая общественное здание внешне более устойчивым и одновременно подчеркивая смысл его общественного служения, будь то университет, учебное заведение, больница или социальное учреждение.

Ярким примером ансамблевого решения архитектуры домового больничного храма является церковь Троицы Живоначальной в Странноприимном доме графов Шереметьевых (Сухаревская площадь, д. 3, корп. 1).

Странноприимный дом – благотворительное учреждение, объединяющее в себе богадельню и бесплатную больницу. Он был основан графом Н.П. Шереметьевым в 1792 году на обширном участке, унаследованном от князей Черкасских, – так называемом «Черкасском огороде». Территория перешла к графу Н.П. Шереметьеву вместе с Останкиным как часть приданого его матери, урожденной княжны Черкасской¹².

До 1803 года строительство велось по проекту и под наблюдением Е.С. Назарова. По первоначальному замыслу это должно быть полукруглое двухэтажное здание, с расположенной в центральной части церковью, богадельней в левом крыле и больницей в правом¹³.

Композиция ансамбля традиционно повторяет схему планировки крупной усадьбы: парадный двор перед главным зданием, хозяйственный двор, ограниченный флигелями, за ним сад в глубине владения.

Смысл этой композиции определяется градостроительным пафосом московского классицизма. Главное здание, обращенное к складывавшейся в это время Сухаревской площади, формирует ее пространство – она как бы охвачена и замкнута широким размахом полукруглых крыльев здания. В проекте Назарова центральный многоколонный портик плотно прилегал к стене, не нарушая чистоты вогнутой линии двора; выходящие на улицу портики торцовых объемов

были поставлены более свободно, что усиливало пространственное богатство здания. Сравнительно небольшая высота главного корпуса, одинаковая на всем ее протяжении, исключая центральный купол церкви и небольшие повышения торцов, делала его сомасштабным рядовой городской застройке. Композицию площади в это время была подчинена мощной вертикали Сухаревской башни.

В 1803 году Шереметьев в память своей умершей жены, бывшей крепостной актрисы П.И. Ковалевой (Жемчуговой), желая придать постройке мемориальный характер, сделав ее формы более торжественными, поручил Дж. Кваренги переработать проект Назарова, уже в значительной своей части осуществленный.

Кваренги – крупнейший мастер классицизма усилил монументальность архитектуры ансамбля. Он упростил несколько дробный характер уличных фасадов флигелей, завершений торцов главного здания, изменил постановку, ритм и детали ордера центральных портиков на переднем и заднем фасадах. Строже и цельнее стало и внутреннее пространство церкви.

Кваренги придал центру доминирующее, автономное значение. Строгий полукруг крыльев стал теперь как бы рамой, окружающей открытую двойную колоннаду полуротонды храма. Кроме нее в пространство двора выступают крупные объемы боковых подъездов. Колоннада ротонды выделяет значение церкви в архитектуре ансамбля.

Строительство было закончено в 1810 г. уже без Назарова, силами крепостных и вольнонаемных архитекторов: П.И. Аргунова, Г.Е. Дикушина, А.Ф. Миронова¹⁴. По проекту Кваренги были осуществлены и спроектированные ранее Назаровым две пары флигелей – боковые, вдоль границ владений, выходящие торцами на площадь, и задние, по границе между двором и садом. Последние предназначались под жилье служащих Странноприимного дома. Они выглядят почти как скромные городские дома того времени, однако укрупненные пропорции и полная симметрия постановки и архитектурного облика органично включают их в классическую композицию ансамбля.

Между этими флигелями сохранилась невысокая ограда сада, в наше время уже почти целиком застроенного. Уличная ограда парадного двора относится к началу XIX в. и представляет собой редкое для Москвы произведение малых форм классицизма как по своему характеру, так и по архитектурному мастерству. Особенно выразительны крупные декоративные беседки из муфтированных колонн, заменяющих въездные пилоны¹⁵.

Примером иного решения архитектурного ансамбля, более замкнутого, где архитектура храма в меньшей степени обращена к городской застройке, является Церковь Троицы Живоначальной в Набилковской богадельне (Протопоповский пер., д. 25).

Набилковская богадельня построена на участке, пожертвованном около 1827 г. купцом Федором Федоровичем Набилковым, и на его средства и средства его брата Василия Федоровича Набилкова¹⁶. Сама богадельня была также пожертвована Набилковым в Московский попечительный комитет Императорского человеколюбивого общества и являлась одним из ранних благотвори-

тельных учреждений. После завершения строительства в новое здание была переведена богадельня Московского человеколюбивого общества, размещавшаяся до этого в небольшом помещении на Маросейке¹⁷.

Огромный участок земли, примыкавший ко двору Набилкова, был им приобретен у коллежского асессора И.Г. Протопопова, владевшего этой землей в 1800-х годах. Строительство богадельни можно отнести к 1828–1835 годам. Автором проекта иногда называют известного московского архитектора А.Г. Григорьева¹⁸. В этой части Москвы благотворительные учреждения строились, начиная с XVIII века. Тогда здесь были основаны как государственные учреждения Екатерининская, позже – Старо-Екатерининская больница (между 3-й Мещанской улицей и Орловским переулком), Инвалидный дом, позже Екатерининское училище, Павловская больница и частные – Шереметьевский странноприимный дом, Голицынская больница. В начале XIX века число благотворительных учреждений росло преимущественно за счет государственных учреждений, а в конце XIX – начале XX века больницы, приюты, учебные заведения основывались и содержались за счет частной, главным образом купеческой, благотворительной деятельности¹⁹. Огромная территория набилковских владений выходила на 1-ю Мещанскую улицу, где еще до богадельни Набилков построил училище. К 70-м годам XIX века территория вокруг богадельни была нарезана на небольшие участки, часть из которых сдавалась под огороды, а на значительных участках здесь создавались новые благотворительные учреждения: на севере с 1886 года начала строиться детская больница св. Ольги (ныне – Туберкулезная детская больница – Орлово-Давыдовский пер., д. 2а), а западнее богадельни в 1909 году было выстроено Спиридоновское убежище Братолюбивого общества²⁰.

Богадельня занимает обширную территорию и представляет собой архитектурный ансамбль, возведенный в два строительных периода: 1828–1835 гг. и 1861–1891 гг., когда сюда во вновь отстроенные корпуса была переведена с Маросейки Усачевская богадельня²¹.

Основной объем здания развернут вдоль переулка со значительным отступом от него. Центральная часть с шестиколонным тосканским портиком, включающая парадный вестибюль и церковь, несколько укрупнена и увенчана небольшим куполом на стройном световом барабане; его полукруглые окна сохранили изящный веерный переплет. Протяженность крыльев, первоначально двухэтажных, подчеркнута контрастом обработки, членящей их по горизонтали: нижний этаж рустован, верхний гладко оштукатурен. К центральной части здания сзади примыкали под прямым углом еще два узких неравных ризалита²².

Церковь во имя Живоначальной Троицы была заложена 4 июня 1831 г., а освящена 17 ноября 1835 г. епископом Дмитровским, впоследствии митрополитом Санкт-Петербургским Исидором. Храм был устроен на средства купца Захария Чернышева²³. Центральный объем Троицкой церкви с оригинальным небольшим куполом возвышается над протяженными двухэтажными крыльями (были надстроены в советское время) и выглядит очень монументально²⁴.

В 1861 году на заднем дворе параллельно главному зданию был возведен новый корпус, также с купольной церковью в центре. Устроенная здесь церковь во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» была освящена в 1891 году как придельная при Троицкой церкви. Нужда в новом храме ощущалась давно, так как число призываемых увеличилось, особенно после перевода сюда Маросейско-Усачевской богадельни. Ктитор Троицкой церкви Набилковской богадельни С.Г. Кириллов и московский купец В.П. Грудцын на свои средства произвели расширение храма и устройство придела²⁵. Посвящение нового придела иконе Божией Матери «Всех скорбящих радость» было сделано в память прежней церкви, находившейся еще в старом здании Усачевской богадельни на Маросейке²⁶. Купол придельной церкви (ныне не существует), напоминающий ренессансные композиции архитектора М.Д. Быковского, отнесен далеко в глубину участка и не нарушает цельности этого значительного произведения московского ампира.

В течение всего XIX века мы можем отметить укрепление традиции создания храмов при учебных заведениях. Одним из первых подобных храмов является церковь мч. Татианы при Новом университете (Б. Никитская ул., д. 1).

Церковь св. Татианы является частью архитектурного ансамбля, состоящего из старого и нового зданий Московского университета. Старое здание выстроено в 1782–1793 гг. по проекту М.Ф. Казакова на территории бывшей усадьбы П.И. Репнина, приобретенной для университета в 1857 году, вскоре после его основания. Главный дом усадьбы использовался для занятий вплоть до постройки существующего здания. Сначала по проекту М.Ф. Казакова были возведены боковые крылья нового здания. Строительство главного корпуса было начато лишь в 1786 году, когда Казаков уже пересмотрел свой первоначальный проект.

Заложенные в художественный образ ансамбля идеи Просвещения определили его повышенно монументальный характер. Монументальность возникла в единстве высоты ордера и пропорций всех частей здания. Главный объем почти не выступает. Его ширине соответствует выдвинутый вперед восьмиколонный, тогда ионический портик. Колонны несли антаблемент с высоким аттиком, за которым скрывался плоский купол. Центральному колонному портику соответствовали пилястровые портики на торцах боковых крыльев. Обработка стены была типична для раннего классицизма: два нижних этажа охватывает монументальный цоколь с горизонтальным рустом на уровне второго этажа. Обработка фасада подчеркивала величественность всего здания. Очевидно, по авторскому замыслу она возникала в связи с его постановкой против Кремля. По плану реконструкции Москвы 1755 года между зданием Университета и Кремлем должна была быть площадь, но она была застроена.

5 апреля 1791 года в круглом помещении правого (восточного) крыла была освящена домовая церковь св. Татьяны в память дня основания Университета. Когда в 1812 году здание Университета вместе с церковью выгорело, верхняя церковь находившегося рядом храма Георгия на Красной горке была

переосвящена из Михайло-Архангельской в Татьянинскую и стала на 21 год университетской пока не было построено новое здание²⁷.

Восстановление началось только через пять лет по проекту Д.И. Жилярди, переосмыслившего композицию здания, исходя из принципов ампира. На всех фасадах Жилярди сохранил соотношение цокольной и основной части, но в цокольной был изменен характер рустовки и над окнами введены замки с львиными масками (скульптор Г.Т. Замараев). В верхней части стены были сняты все членения, чтобы выделить сплошную гладь стены, подчеркнув ее лепным орнаментом над окнами, а центральные окна на боковых выступах отмечены двухколонными обрамлениями вместо прежних центральных пилястровых портиков. Жилярди принципиально изменил композицию и силуэт главного объема ансамбля. Легкий ионический портик был заменен тяжелым дорическим, вместо аттика – плоский фронто́н, купол повышен и в большей степени выделен в силуэте здания, выходящие в портик окна укрупнены.

В 1833 году для университета было приобретено находившееся рядом здание усадьбы, принадлежавшей Пашковым. Дом Пашковых был одним из крупных городских дворцов своего времени. С правой стороны к нему примыкало здание Манежа, перестроенное из жилого корпуса по Никитской улице. С главным корпусом оно соединялось переходом. Симметрично ему с другой стороны было начато возведение второго служебного корпуса, но оно осталось недостроенным и было позднее разобрано.

Когда здание было приобретено для Университета, оно было перестроено архитектором Е.Д. Тюриным. Всею зданию, уже изначально отличавшемуся строгостью, простотой и пластической выразительностью, в соответствии с принципами позднего ампира был придан еще более монументальный вид. Торцовая часть Манежа была переделана для домово́й университетской церкви мч. Татианы. Ее алтарная часть была отмечена шестиколонной полуротондой монументального дорического о́рдера вместо прежнего изящного коринфского. Между колоннами на фасад выходят крупные окна с полукруглым завершением, вместо центрального окна – киот с иконой мч. Татианы.

Колоннада ротонды несет мощный антаблемент с аттиком, трактовка фасада подчеркивает плоскость стены. По завершении строительства в 1837 году церковь была перенесена сюда и освящена 12 сентября²⁸.

По аттику шла надпись – слова великопостной службы – «Свет Христов просвещает всех». По свидетельству историков, надпись появилась между 1912 и 1914 гг., а убрана в 1919 году, когда «на Моховую был направлен специальный отряд, чтобы ликвидировать наружную православную символику со здания университетской церкви – крест, икону св. Татианы и надпись «Свет Христов просвещает всех» на фронто́не. Ректора М. Новикова пригласили присутствовать и подписать протокол»²⁹.

Домовый храм отличается от приходского узким кругом прихожан, состоящим обычно из сотрудников, учащихся или посетителей учреждения, где этот храм устроен. Выделение домового храма во внешних архитектурных формах здания очень важно, так как храм может заинтересовать и случайных лю-

дей. По воспоминаниям, многих притягивала теплая домашняя обстановка и камерность таких церквей. Например, младшая сестра Марины Ивановны Цветаевой Анастасия, прихожанка церкви св. Татианы при МГУ, писала, что высокий сводчатый потолок в церкви придавал службе домашний уют и создавал в храме особую атмосферу³⁰. Служба в домовых храмах совершается не постоянно, а в ряде случаев и в дни праздника. В домовых церквях, как и в других православных храмах, проводят богослужения и совершают требы. Сотрудники университета в храме св. Татианы исповедовались и причащались, венчались, крестили своих детей, отпевали родственников. В конце февраля 1852 года в Татианинской церкви отпевали Н.В. Гоголя, хотя он был прихожанином храма прп. Симеона Столпника на Поварской, но состоял почетным членом Московского университета. Присутствие храма в общественном учреждении чрезвычайно важно и с миссионерской точки зрения, так как любое общественное заведение объединяет под своей крышей множество совершенно разных людей.

В заключение следует заметить, что такое явление, как домовый храм, с годами все более основательно вписывалось в главное русло русской культуры. В периоды резких социальных изломов расширялось поле милосердного духовного служения, укреплялась личностная философия, построенная на основах христианской этики. Возникло новое измерение известных явлений и понятий, в ряду которых возрастала своя духовная обостренная связь с близкими людьми. В домовом храме, который служил важной опорой для встречи и пересечения казалось бы несовместимых культурных миров, с помощью опытных священнослужителей достигалась относительная гармония отношений.

Культурным веянием эпохи золотого века России стало рассмотрение культуры как «царства идеальных ценностей», а смысл культуры христиански одаренная часть общества характеризовала как богопознание и гимн Богу, «раздвигающему храмовую молитву до пределов Космоса» (Г.П. Федотов). Создание каждого нового домового храма рассматривалось как духовный шаг вперед, как развитие отличительного стилевого признака времени, укрепляло представление людей о Божественном порядке мира, о вполне определенном месте домового храма в духовно-культурной жизни России, в лоне расцвета патриотической мысли Отечества.

¹ Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства. СПб., 2000. С. 339.

² Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1997, Т. I. Ч. II, С. 400.

³ Макарий, митрополит. История русской Церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 323–325.

⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 293.

⁵ Григорий, архимандрит. О домовых церквях Московской епархии. М., б.г.

⁶ Григорий, архимандрит. Указ. соч.

⁷ Собеседник при Казанской духовной Академии. 1860 г., ноябрь. Показаны церкви в г. Москве, в которых позволено было служить ранние литургии.

⁸ Церковь Спаса Нерукотворенного образа, в Барыковском богаделенном доме на Остоженке в Дурновом переулке, в Москве. М., 1901.

⁹ Церковь Спаса Нерукотворенного образа, в Барыковском богаделенном доме на Остоженке в Дурновом переулке, в Москве. М., 1901.

¹⁰ Устав Духовных Консисторий. Изд. 1841. Пар. 49.

-
- ¹¹ Церковь Спаса Нерукотворенного образа... Указ. соч.
- ¹² Дошлак М.И. Назаров. М., 1956. С. 69.
- ¹³ Ильин М.А., Моисеева Т. Москва и Подмосковье. М., 1979. С. 454.
- ¹⁴ Паламарчук П.П. Сорок сороков. В 4 т. М.: АСТ Астрель, 2004. Т. 3. С. 363.
- ¹⁵ Памятники архитектуры Москвы. Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII века (от Земляного до Камер-Коллежского вала). М.: «Искусство», 1998.
- ¹⁶ Паламарчук П.П. Сорок сороков. В 4 т. М.: АСТ Астрель, 2004. Т. 3. С. 371–372.
- ¹⁷ Паламарчук П.П. Указ. соч. С. 371.
- ¹⁸ Памятники архитектуры Москвы. Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII века (от Земляного до Камер-Коллежского вала). М.: «Искусство», 1998. С. 200.
- ¹⁹ Указ. соч. С. 173.
- ²⁰ Указ. соч. С. 173.
- ²¹ Паламарчук П.П. Указ. соч. С. 371.
- ²² Памятники архитектуры Москвы. Территория... Указ.соч. С. 200.
- ²³ Святославский И.И., свящ. Набилковская богадельня. Исторический очерк. М., 1886
- ²⁴ Памятники архитектуры Москвы. Территория... Указ. соч. С. 173.
- ²⁵ Московские церковные ведомости. 1891. № 47.
- ²⁶ Паламарчук П.П. Указ.соч. С. 371.
- ²⁷ Паламарчук П.П. Указ.соч. С. 125.
- ²⁸ Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М.: «Искусство», 1989. С. 99–104.
- ²⁹ Паламарчук П.Г. Указ. соч. С. 127.
- ³⁰ Лебедева Е. Домовая церковь 1837–1919 гг. Духовенство и прихожане. <http://www.st-tatiana.ru/text/34269.html>